

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ РАБОЧИХ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

Автор: М. А. ФЕЛЬДМАН

Вопрос о культурном уровне рабочих на завершающем этапе истории Российской империи остается одним из дискуссионных. Историкам советского периода приходилось постоянно увязывать два противоречащих друг другу утверждения: о низком культурном уровне рабочих и о пролетариате как самой передовой силе общества. Отсюда - появление в трудах даже видных исследователей сюжетов о высоком образовательном уровне рабочих крупных предприятий до 1917 г. [История... 1983, с. 208], о рождении в дореволюционное время "рабочей интеллигенции" [Ольховский, 1997, с. 77 - 95], о совпадении понятий "квалифицированные" и "культурные" рабочие [Крупянская, Полищук, 1970, с. 192].

Для того чтобы рассмотреть этот вопрос более объективно, необходимо учитывать, что к концу XIX - началу XX в. сословная структура российского общества находилась в стадии трансформации, вызванной медленным, прерывистым складыванием общества буржуазного типа. Рабочий класс России формировался на основе нескольких различных сословных категорий, и к началу XX в. рабочие промышленности представляли ряд социальных слоев, отличавшихся по целому ряду признаков [Фельдман, 2006, с. 20 - 35]. Реальные процессы культурной трансформации рабочих зависели от *степени урбанизации поселения*. Они быстрее протекали в городах, медленнее - в поселках, более похожих на большие села. Однако крупные предприятия располагались в городах достаточно редко (за исключением Петрограда и Москвы, Варшавы, Риги). Обычно заводы и фабрики символически отделялись от них оврагами, реками, лесными полосами, рощами. С учетом того, что на рубеже XIX-XX вв. три четверти пролетариата обитали в заводских поселках и фабричных селах, *замедленное, выборочное* формирование у них элементов городской культуры было закономерным.

Даже кадровым, потомственным, квалифицированным рабочим был присущ причудливый гибрид деревенской и городской культур. Предпосылки их культурной трансформации создавали: занятость на передовых в технологическом отношении предприятиях, связанных с выполнением военных заказов в металлообрабатывающей промышленности; преобладание квалифицированных тружеников, происходящих из потомственных пролетариев; сокращение рабочего времени до 8 - 9 час. в день; заработки, превышающие нижнюю черту прожиточного минимума. Но зачастую наряду с этим именно данная категория рабочих владела земельными наделами и собственными жилищами.

Рабочие России заметно различались по условиям проживания. Квалифицированные, хорошо оплачиваемые либо владели собственными домами, размеры и благоустройство которых отвечали установленным санитарным нормам; либо могли снимать квартиры,

Ф е л ь д м а н Михаил Аркадьевич - доктор исторических наук, профессор Уральской академии государственной службы (Екатеринбург).

где существовали условия для нормального отдыха; у них появлялись возможности для специализированного использования каждой комнаты. Без сомнения, речь идет о меньшинстве рабочих промышленности России, однако не столь ничтожном, как это утверждалось в советской литературе [Крупянская, 1970, с. 276]. По данным Ю. Кирьянова, из 28,3% всех текстильщиков Петербурга, снимавших квартиру без других жильцов, три четверти могли пользоваться канализацией и водопроводом [Кирьянов, 1979, с. 254; 1970, с. 113]. Такие жилищные условия заставляли дорожить имеющимся достатком; формировали устойчивое стремление к стабилизации уровня жизни. Примерно 30% промышленных рабочих России, будучи владельцами собственных жилищ, ощущали себя хозяевами своих "маленьких крепостей" [Кирьянов, 1979, с. 228 - 229, 233]. Хотя далеко не все из них обладали жильем, отвечавшим установленным санитарным нормам, они взирали на бытовую сторону жизни других городских социальных слоев уже не с позиции обездоленных пролетариев.

Возникали перемены во *внешнем облике* рабочих. Ношение городской одежды приближало их, в зависимости от достатка, либо к низшим служащим, либо к интеллигенции. Культурная разнородность наглядно выразилась в обликах и стиле жизни различных социальных групп. Наряду с рабочими, по внешнему виду неотличимых от сельских жителей - с окладистыми бородами, в крестьянских шапках и армяках, подпоясанных веревками, - появились рабочие *европеизованного вида*. По своим одежде, внешнему виду, манере держаться они мало отличались от представителей интеллигенции и служащих. Так, на фотографии в книге И. Нарского мы видим тружеников казенного Миасского напильного завода. Это люди 30 - 35 лет, уверенные в себе, с интеллигентными лицами, в костюмах, характерных для средних слоев города [Нарский, 2001, с. 352, вкл. III].

Одежда кадровых, квалифицированных рабочих, как отмечала В. Крупянская, свидетельствовала о приобретении новых культурных привычек. Обязательным стало ношение нательного белья, выходного костюма: так называемой "пары" (пиджака, длинных узких брюк и косоворотки) или тройки (пиджака, жилета, брюк). В особо торжественных случаях тройка одевалась с крахмальной рубашкой и галстуком [Крупянская, 1970, с. 282]¹. В 1980-е гг. эти изменения подтверждались многочисленными фотографиями городских рабочих [История... 1984, с. 64 - 65]. О появлении новых культурных привычек говорят и изменения внутреннего убранства жилищ кадровых, квалифицированных рабочих: заметное распространение мягких диванов и кресел, трюмо, платяных шкафов, как правило, дешевой рыночной работы. Детали убранства жилищ (грубо раскрашенные фарфоровые статуэтки, дешевые безделушки, лубочного типа литографии и т.п.) свидетельствовали о проникновении в рабочую среду мещанских влияний [Крупянская, 1970, с. 282]. В данном случае термин "мещанский" указывает не столько на сословную принадлежность, сколько на отношение к городской жизни.

Изменялись семейные и дружеские связи этой группы рабочих, все большее значение в них приобретали контакты с местной интеллигенцией [Крупянская, 1970, с. 310]. Правда, городская культура медленно усваивалась рабочими вследствие немногочисленности слоя инженерно-технической интеллигенции в фабричных и заводских поселках. Например, на Урале этот слой (*включая практиков*) составлял менее 1,5% от числа рабочих [Бугаева, 1987, с. 55 - 58]. Что же касается довольно обширного слоя служащих низшего звена (а к 1917 г. на заводах и рудниках Урала насчитывалось до 20 тыс. конторских служащих), его образовательный уровень был ненамного выше, чем у рабочих [Абрамовский, 1999, с. 127]. Именно этот слой населения выступал в качестве образца быта и поведения для квалифицированных рабочих поселков и небольших городов. Таким образом, можно проследить существенные отличительные признаки рабочих индустриального типа не только по уровню материального и бытового достатка, но даже чисто внешние.

¹ Первоначально эти взгляды считались антимарксистскими и вызвали гнев официальной советской историографии на книгу "Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония" [Поликарпов, 1996, с. 380 - 385].

Н. Полищук указывает на пробуждение (отмечу, *только на пробуждение!*) классового сознания рабочих и "осознание ими себя как людей, имеющих право на уважение и достойное человека обращение" [Полищук, 1997, с. 128]. Это, на мой взгляд, характеризует прежде всего менталитет индустриальных рабочих, который формировался у потомственных, кадровых в нескольких поколениях, квалифицированных рабочих на современных предприятиях [Дмитриев, 2004; Бехтерева, 2000, с. 172 - 177]. По этой причине к данной категории рабочих малоприменимо определение черт ментального облика, данное в 1997 г. Кирьяновым, в частности "нескрываемая неудовлетворенность своим экономическим и правовым положением; иронический взгляд на жизнь; ослабление религиозных представлений и несоблюдение сложившихся в прошлом норм поведения; и т.д." [Кирьянов, 1997⁶, с. 51]. Исследователи рабочей истории, как в советский, так и в постсоветский период, если речь шла о кадровых пролетариях, выделяли скорее противоположные черты [Садаков, 1968, с. 33 - 36; Железкин, 1992, с. 95 - 101].

Как отмечала Т. Гуськова, в предвоенное десятилетие (1905 - 1914) стали заметнее различия в одежде и быту внутри рабочего социума. Мои расхождения с ней сводятся к тому, что вряд ли следует причислять к числу "передовых в культурном отношении" пролетариев "пришлых" рабочих [Гуськова, 1970, с. 309]. Приведенный ею материал показывает, что "пришлые" представляли собой наиболее обездоленную и наименее культурную в целом часть рабочих крупной промышленности.

Затруднительно определить границы индустриальных рабочих как социального слоя. Обращу лишь внимание на близость размеров двух групп рабочих: квалифицированных, составлявших треть всего промышленного пролетариата и владельцев собственных домов, а также съемщиков благоустроенных квартир. Однако надо отметить, что даже после "жилищного передела" 1918 - 1920 гг. только пятая часть рабочих крупной промышленности СССР проживала в жилищах, где на комнату приходилось не более двух человек [Всесоюзная... 1931, с. 310 - 311].

От них заметно отличается другая социальная категория - рабочие эпохи *перехода от мануфактурной к индустриальной эпохе*. Это труженики массовых профессий, как правило, средней и малой квалификации, работавшие на предприятиях с низким уровнем механизации производственных процессов и преобладанием тяжелого ручного труда, с фрагментарным характером социальной защиты. Они владели земельными наделами, с большими, чем у индустриальных рабочих, пахотными участками, собственным или арендуемым жильем. Данный социальный слой, сформировавшийся, как правило, из потомственных мастеровых, получал зарплату близкую к нижней черте прожиточного минимума; владел лишь элементарной грамотностью, что суживало возможности роста культурного уровня. Для него характерно владение небольшими, частично ветхими домами; съем углов, комнат. Состояния жилья гарантировало только частичное восстановление сил. Как правило, жилищные условия одиноких рабочих были несравненно хуже, чем семейных. Не менее 60% одиноких рабочих обладали жильем в форме угла, койки и даже полкойки [Всесоюзная... 1931, с. 310 - 311].

Здесь намного дольше и полнее сохранялись обычаи и обряды в их традиционной форме, религиозно-обрядовая жизнь; удерживались и некоторые элементы аграрной обрядности (новогоднее колядование, троичная обрядность и т.д.) [Крупянская, 1970, с. 286]. К этому слою применимы слова о "тесной связи обычаев и нравов рабочих с крестьянско-ремесленными традициями, влиянии общинной психологии" [Поршнева, 2000, с. 61 - 62]. Характерно, что ряд публицистов первых десятилетий XX в. тонко чувствовали особенности этого слоя. Так, Н. Долгушин в статье "Искусство и народ" указание на чисто внешнее подражание городским обывателям, перенимание *несущественных* фрагментов городской культуры связывал с тем слоем рабочих, который *вырван из привычной жизни и поглощен борьбой за выживание* [Уральское... 1918, с. 16].

В качестве третьей категории можно выделить "*чистых пролетариев*" - рабочих вспомогательного производства и массовых профессий, используемых на наиболее тяжелых и трудоемких работах, на заводах и рудниках; проживающих в небольших поселках и в сельской местности. Они (по сути, рабочие *мануфактурной эпохи*) не имели соб-

ственного жилья, занимая казармы, бараки, другие помещения, принадлежащие заводам, проживая в условиях *повышенной скученности*. У пролетариев, как правило, отсутствовали и земельные наделы (по месту проживания); они получали зарплату ниже прожиточного минимума.

Примечательна близость доли рабочих, не имеющих собственного жилья и живущих в условиях скученности (27%) [Кириянов, 1979, с. 230 - 232] и массива "пришлых" рабочих (27%) (подсчитано по [Первая... 1905, с. VIII). Неграмотность, близкая к поголовной, лишала рабочих возможности пользоваться и фрагментарной социальной защитой, воспринимать ценности культуры индустриального общества. Среди этой категории преобладали недавно прибывшие на промышленные предприятия, главным образом, юноши и девушки из сельской местности, одетые, как правило, в крестьянское платье [Крупянская, 1970, с. 283].

Такая ситуация, усугубленная концентрацией богатства и элементов европеизированной культуры в столице империи, губернских городах, барьером сословных привилегий в казачьих округах, затрудняла эволюционный процесс превращения рабочих в городских жителей, делала психологически более сложным их приспособление к фабрично-заводской жизни. Фактически обширный социальный слой (около трети рабочих цензовой промышленности) оказался на положении маргиналов. Накопление взаимных претензий, например у рабочих и казаков (скажем, на Дону, на южном Урале), привело к ожесточенной схватке, по сути, резне в годы Гражданской войны.

Рассмотренная классификация рабочего социума России не является исчерпывающей: в силу рамок исследования я не касался характеристики рабочих-сезонников. Вместе с тем представляется возможным уточнить вывод о сохранении общинной психологии в рабочей среде [Алеврас, 1999, с. 167; Крупянская, 1970, с. 285]. В наибольшей степени оно характерно для "пришлых", малооплачиваемых, занятых тяжелым физическим трудом рабочих на закрытых предприятиях, не имеющих ни собственного жилья, ни образования, ни возможности повышать свой культурный уровень. В наименьшей - для кадровых, потомственных квалифицированных рабочих.

К рабочим мануфактурного типа относится замечание Б. Миронова о повышенной криминогенности пролетариата России. На долю 3,2 млн. рабочих в 1897 г. приходилось около 30% всех осужденных. Не привыкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, отрицательным импульсам и эмоциям. Высокая преступность рабочих объяснялась также их маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий жизни и принятых в деревне стандартов поведения, они с трудом адаптировались к фабричной и городской жизни, из чего проистекали антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния [Миронов, 1999, т. 2, с. 95]. Это характерно не только для дореволюционной России: анализ статистики наказаний, наложенных судами в 1913 - 1918 гг., показывает - если в 1913 г. из числа осужденных рабочие составляли 40,1%, то в 1918 г. 50,2% [Вестник... 1919, с. 103]. Тенденция к росту криминогенности пролетариата по сравнению с началом века очевидна, невзирая на рождение "пролетарского государства".

Но обратим внимание на следующее обстоятельство. В литературе 1930 - 1980-х гг. об общинной психологии говорилось как о явлении мелкобуржуазного толка [Изменения... 1979, с. 42 - 43]. Однако крестьянская община была традиционным, устойчивым социокультурным институтом. Уходя на заводы, рудники, лесоразработки, вчерашний крестьянин уносил с собой дух общинной самоорганизации, культуры самоограничения, самоконтроля. Контраст между отношениями внутри деревенской общины и на "фабрике" был далеко не в пользу последней. В силу этого сохранялось стремление выходцев из деревни держаться землячествами, работать и жить артелью. Путь от крестьянина к индустриальному рабочему был долгим, и нередко это был путь *не приобретения, а потери многих общечеловеческих достоинств* [Михайлов, 1997, с. 153]. В частности, обследование горных заводов Урала показало, что условия работы *на всех предприятиях* края, включая казенные, были *разрушительными* для человеческого здоровья [Хлопин, 1916, с. 7 - 8].

Возможности культурного роста зависели от совокупности многих факторов и не всегда совпадали с имущественными и правовыми границами внутри рабочего социума. Выделю такие фундаментальные барьеры на пути культурного роста рабочих, как бесчеловечные условия труда на большинстве промышленных производств; отсутствие благоустройства, озеленения; пыль и грязь на улицах, грохот, дым и копоть в воздухе как общая черта для всех рабочих поселений, определяющая широкомасштабные проблемы с физическим и психическим здоровьем.

Рост образовательного уровня рабочих крупной промышленности России, далеко не одинаковый у различных групп рабочих, тем не менее стал основой для более активного приобщения части пролетариев к культурным ценностям. Представляется правомерным предложенное О. Поршневым разделение рабочих по отношению к образованию: на лиц, смотревших на него как на средство "выйти в люди"; на тех, для кого учеба была своего рода развлечением; и на круг рабочих, у которых овладение знаниями связывалось с задачами социального переустройства [Поршнева, 2000, с. 154 - 155]. Примечательно, что в более поздней работе она ставит различные подходы к образованию в зависимости от материального и семейного положения, уровня грамотности, квалификации, политических взглядов, возраста, личностных психологических особенностей. Часть рабочих, связанных с социалистами, посещавших легальные школы и курсы, рассматривали культурные ценности с точки зрения социалистической идеологии. Стремление к "чистому просветительству" вызывало у них негативную реакцию, порождая обвинения в стремлении "обинтеллигентиться", стать "вне рабочего класса", то есть носило ярко выраженную узкоклассовую окраску. В то же время у наиболее развитых рабочих, квалифицированных, грамотных, социально активных, тяга к образованию была связана с надеждой на духовно богатую жизнь, повышение производственной квалификации, улучшение материального положения. Именно они участвовали в деятельности культурно-просветительных организаций [Поршнева, 2004, с. 126 - 128].

Для советской историографии были характерны завышенные оценки культурно-просветительских потребностей и созидательной деятельности рабочих в первые десятилетия XX в. [Розенталь, 1979]. Однако подобные заявления перманентно не подтверждаются статистикой. И это не случайно. Фактически принимать активное участие в работе культурно-просветительных учреждений могли не просто грамотные рабочие, а лица, имеющие, по крайней мере, законченное начальное образование.

Было показано, что грамотность рабочих-мужчин в 1897 г. (59,9%) вдвое превосходила грамотность всего мужского населения (29,3%), а грамотность работниц (34,9%) - почти втрое грамотность всего женского населения (13,1%) [Крузе, 1976, с. 114]. Однако в литературе отсутствовали сравнения образовательного уровня рабочих России с аналогичными показателями дворянства, буржуазии, городского населения в целом. Отсутствовал и сводный показатель грамотности по рабочим (мужчинам и женщинам) крупной промышленности России. В 1987 г. Н. Иванова определила долю грамотных среди рабочих фабрично-заводской промышленности - 51,9%, однако при этом не учитывались рабочие горной и горнозаводской промышленности, характеризующиеся более низкой образовательной подготовкой - 34% [Иванова, 1987, с. 141; Крузе, 1976, с. 115]. По моим подсчетам, сводный показатель грамотности у рабочих (мужчин и женщин) крупной промышленности России в 1897 г. составлял 48% (подсчитано по [Крузе, 1976, с. 23, 26, 98, 102, 115]). Озвучить его в советское время - значило признать неграмотность более половины промышленных рабочих - класса-гегемона, "готового к пролетарской революции". Начальное образование, по данным переписи 1918 г., имели четверть рабочих промышленности России, но речь шла прежде всего либо о церковноприходской школе, либо об усеченном двухклассном варианте земской народной школы. Даже на казенных заводах полноценную подготовку в объеме четырех классов имели менее 10% рабочих (подсчитано по [Производственно-технический... 1932, с. 8 - 9]). Это - гипотетический максимум рабочих, способных принимать *самостоятельное* участие в деятельности культурно-просветительных заведений накануне Первой мировой войны.

Обратившись к проблеме эффективности работы правительства, буржуазных организаций, церкви в сфере распространения культурно-просветительских знаний, Л. Иванов, хотя и произнес ритуальные для советских историков слова: "самодержавие использовало культурно-просветительские организации не в целях образования и культуры, а в целях внедрения в массы шовинизма, национализма, слепого подчинения, религиозного мракобесия", тем не менее сумел выстроить широкую панораму культурной деятельности власти и общественных организаций. Уже подготовка буржуазных реформ на рубеже 1850 - 1860-х гг. подтолкнула правительство к разностороннему развитию культурно-просветительских организаций - воскресных школ, народных театров, бесплатных библиотек, естественно, под контролем государства. Проблема заключалась в том, что этот контроль носил жесткий, излишне регламентирующий характер, что не могло не сдерживать эффективность распространения культурных знаний [Иванов, 1970, с. 354, 318 - 319].

Создание воскресных и вечерних школ (курсов) носило прогрессивный характер, позволяло неграмотным взрослым рабочим получить основы общеобразовательных знаний. Однако, с одной стороны, постановление правительства 1874 г. требовало, чтобы все воскресные школы были по своим программам приравнены к церковно-приходским. С другой стороны, леворадикальные организации широко использовали эти школы для пропаганды народнических и марксистских идей. В такой ситуации нейтральный вариант - создание воскресных и вечерних школ (курсов) на политехнической основе - вызывал критику и слева, и справа. Охват воскресными школами 50 тыс. (1900 г.), а вечерними - 112,3 тыс. учащихся (1905 г.), можно расценить как весьма скромное достижение, тем более что далеко не все из учащихся относились к рабочим. По данным уральских историков, доля рабочих в школах подобного рода колебалась от 15 до 50%, уступая доле низших служащих [Иванов, 1970, с. 320 - 321; Андреева, 1990, с. 140; Ольховая, Калугина, 1979, с. 121].

Другим направлением культурно-просветительской деятельности стала организация обществ грамотности, создававших клубы и библиотеки для чтения в рабочих поселениях. И если правительственные организации делали упор на религиозно-монархической пропаганде, то общественные организации - на распространение естественно-научных и исторических знаний [Иванов, 1970, с. 342].

Новой формой культурно-просветительской работы среди рабочих стала деятельность Народных домов. Их строительство осуществлялось на средства профсоюзов и кооперативов, а также и либеральной буржуазии. К 1917 г. в России было открыто 189 таких учреждений, превратившихся в центры общественных (по терминологии тех лет - народных) чтений, воскресных школ, художественных кружков, любительских театральных постановок [Ольховая, 1970, с. 269]. В первом десятилетии XX в. в губернских центрах народные чтения привлекали десятки тысяч человек, в Петербурге в среднем за 1906 - 1912 гг. 60 тысяч слушателей. Какую часть из них составляли рабочие? Статистика в данном случае весьма неполна. Указание на присутствие рабочих в составе слушателей на общедоступных, широко рекламируемых лекциях в Политехническом музее в Москве в 1906 - 1907 гг., позволяет как вероятный максимум участия рабочих в подобных мероприятиях определить в 16%. Особенно, учитывая фактор столичного расположения места народных чтений. Материалы обследования текстильной фабрики Э. Цинделя в Москве, считающиеся классическими в советской историографии, указывают на посещение публичных лекций менее чем 3% из числа грамотных рабочих [Иванов, 1970, с. 331 - 334, 344, 351; Рабочий... 1983, с. 25].

Особое место среди культурно-просветительских организаций занимали народные университеты, возникшие в 1906 г. по инициативе "Общества гражданских инженеров" в Петербурге. Во-первых, для большего привлечения слушателей они устанавливали связи с профсоюзами. Во-вторых, само обращение к профсоюзам рассматривалось как форма выявления тематики, интересующей рабочих. В-третьих, лекции по естествознанию, истории рабочего движения Запада рассматривались как метод распространения реформистских убеждений [Иванов, 1970, с. 328, 347].

Различное воздействие правительственных и общественных сил на рабочую среду в культурной сфере не могло не вызвать разнообразия в оценках самих рабочих. В исторической литературе зафиксированы как их одобрительные, так и отрицательные отзывы о деятельности культурно-просветительских организаций. Символично, что в вину последним ставилось стремление "примирить классовые противоречия" [Вестник... 1910, с. 223, 225].

Развитие масштабной сети доступных библиотек-читален может считаться одним из достижений российского государства. К концу XIX в. России насчитывалось 3,4 тыс. библиотек, часть из которых была бесплатными. В их каталогах преобладали книги на религиозно-нравственные темы, за ними шли произведения исторической и монархической направленности; затем - естественно-географические. Художественная литература составляла ничтожную долю книг (в 1901 г. - 5,1%, в 1913 г. - 6,4%)². Кроме сказок Г. Андерсена, С. Аксакова и др., здесь можно было найти лишь немногие произведения русской классики. Опросы рабочих указывали на несовпадение состава библиотечной литературы и предпочтений пролетариев. Читатели из рабочих меньше спрашивали религиозную литературу, предпочитая исторические рассказы и романы. Среди читаемых газет преобладали либеральные издания [Иванов, 1970, с. 336, 352 - 353].

Обратим внимание на дифференциацию рабочих по кругу чтения: квалифицированные рабочие читали классику; любимыми писателями были Н. Гоголь, А. Пушкин, Н. Некрасов, И. Тургенев, А. Чехов, В. Короленко, М. Горький; на Урале популярностью пользовался Д. Мамин-Сибиряк. По подсчетам Е. Медынского, промышленный рабочий - *постоянный* читатель библиотек в год прочитывал от 9 до 11 книг [Медынский, 1918, с. 128]. В среде кадровых, потомственных, квалифицированных рабочих появились подписчики газет и журналов. Так, среди мартеновцев Верх-Исетского металлургического завода в 1913 г. 9% рабочих подписывались на газеты и 1,5% - на журналы [Величкин, 1936, с. 102]. Однако было бы неверным судить по этим данным, относящимся к рабочим ведущих профессий, занятым на предприятии вблизи горнозаводской столицы Урала, об основной массе рабочих региона или России в целом.

Вместе с тем по замечанию английского историка В. Свифта, анализировавшего круг чтения российских рабочих, большинство произведений классической литературы и драматургии интерпретировались *как протест* против социальной несправедливости, угнетения слабых сильными, тем более что многие из этих произведений были в свое время запрещены цензурой [Свифт, 1997, с. 167]. У основной же массы грамотных рабочих излюбленным чтением оставалась лубочная литература. Характерно, что в годы Первой мировой войны произошло резкое увеличение тиража грубых и безграмотных лубочных изданий, кстати, издававшихся при поддержке правительства [Хеллман, 1999, с. 310 - 311]. Вряд ли такое чтение способствовало росту культурного уровня рабочих.

Насколько обширным был состав рабочих - постоянных посетителей библиотек и читален? По сведениям 1912 г. в 18 читальнях Петербурга из 9,8 тыс. читателей 3,6 тыс. составляли рабочие. В Москве в 1910 - 1911 гг. в 12 бесплатных библиотеках из 11,3 тыс. читателей 4,5 тыс., то есть более трети, являлись рабочими [Иванов, 1970, с. 344]. Но источник не уточняет, какая часть библиотек была бесплатной. Если исходить из приведенных данных, группа рабочих-посетителей библиотек насчитывала порядка 2 - 3% от числа всех промышленных рабочих столиц. Если судить по городской бесплатной библиотеке в Москве в 1909 г., удельный вес "фабричных, рабочих и прислуги" среди всех читателей составлял 4,38% [Поршнева, 2000, с. 154; Рябухин, 1968, с. 334].

Указанный диапазон был характерен и для провинции. Так, в 1911 г. в Екатеринбурге из 1,2 тыс. читателей городской библиотеки имени В. Белинского рабочие составляли только 1%, то есть 12 человек [Коган, 1969, с. 6]. Создание библиотек при Народных до-

² В платных библиотеках литература на религиозно-нравственные темы занимала не столь значительное место, уступая место беллетристике [Медынский, 1918, с. 40].

мах расширяло возможности привлечения рабочих в культурно-просветительские организации. Например, в Пермской губернии народными библиотеками, созданными для малоимущего взрослого населения, пользовались 11% грамотных жителей, а среди 1,3 тыс. читателей библиотеки Народного дома в Перми насчитывались 4,7% рабочих [Андреева, 1990, с. 136]. Последний показатель типичен скорее для губернского центра. Показатель же Екатеринбурга (1%) можно рассматривать как типичный для уездного города. Нетрудно заметить, что диапазон рабочих-посетителей библиотек (1 - 4,7%) наиболее близок к группе рабочих, имеющей школьную подготовку выше начальной (1,8%), чем к каким-либо другим. Приведенные сведения подтверждают заключение о малой вероятности того, что рабочие могли выработать "самую передовую культуру".

В советской историографии довольно сдержанно комментировалась деятельность рабочих клубов. Характерно, что Иванов вообще не упоминает о наличии данных форм передачи культурных знаний [Иванов, 1970, с. 317 - 355]. Причину такого явления надо искать в том, что рабочие клубы в дореволюционный период мало проявили себя в антиправительственной деятельности, которая и служила основой для их исторической оценки в советское время³. Рабочие клубы Петербурга были наиболее популярными в России и в силу этого весьма показательными. Но и там существовал ряд причин, из-за которых многочисленный контингент посетителей не сложился. Это можно объяснить наличием ежедневного контроля полиции, вплоть до присутствия на лекциях полицейских чинов; сказывалось и разнообразие интересов рабочих, их различный образовательный и имущественный уровень; тяга части рабочих к развлекательным мероприятиям [Левин, 1925, с. 89, 94].

Изучение динамики численности рабочих клубов столицы позволяет говорить о сохранении в клубах стабильного пролетарского ядра: от 3,9 в 1908 г. до 3,3 тыс. в 1913 г. (Левин приводит другую цифру - 3,7 тыс. чел. к концу 1913 г.) Однако появление такого ядра (примерно пятой части всех членов) не изменяет общую оценку их работы, "не проникавшей в толщу петербургского пролетариата" [Левин, 1925, с. 88 - 89, 97 - 98, 108]. В клубы ходили не более 1,5% из 250-тысячного питерского пролетариата. По данным журнала "Современный мир", в 1909 г. во всей России действовали 11 клубов с 8,8 тыс. членов [Современный... 1913, с. 159]. Даже осознавая неполноту учета, можно сделать вывод о малом участии промышленных рабочих России (менее 1%) в работе культурно-просветительских клубов.

Анализ состава членов рабочих клубов говорит о преобладании мужчин (около трех четвертей); рабочих со средним заработком (30 - 40 руб. в месяц); в возрасте до 25 лет (две трети); с начальным образованием. Половина рабочих-членов клубов закончили сельскую школу; половина - городскую. Подавляющая часть мужчин являлись членами профсоюзов. Основной состав членов клубов не принадлежали к категории "массового рабочего", в них входили часть квалифицированных рабочих. С началом Первой мировой войны рабочие клубы были закрыты, что лишило пролетариев важной легальной формы общения и приобщения к городской культуре [Левин, 1925, с. 101 - 108].

Интересные выводы можно сделать и при изучении литературы, созданной руками самих рабочих. Л. Клейнборт, проанализировавший около сотни произведений пролетарской поэзии, опубликованных в дореволюционных легальных рабочих изданиях, отмечал: "Это проза, одетая в стихи, в которой больше внешнего, чем содержательного... В стихах нет культуры, свойственной поэтическому жанру; нет музыкальности, красивых образов; но присутствует информация о рабочей психологии, настроениях". Осмысливая вышеизложенное, он указывал, что рабочий "пишет после работы, разбитый физически и часто нравственно. Это не писатель-дворянин, готовый переписывать по пять

³ Так, И. Левин еще в 1925 г., отметив появление в целом ряде городов в октябре-ноябре 1905 г. рабочих клубов, указывал, что уже с 1906 г. клубы (не без "помощи" полиции) оказались вне политической деятельности, сосредоточившись на просветительских занятиях [Левин, 1925, с. 88 - 89].

раз свою рукопись" [Клейнборт, 1913, N 4, с. 92 - 93; N 5, с. 155]. Оставлю без комментариев внутреннее противоречие этих строк, не замеченное автором.

Пролетарские художественные произведения начала XX в. в России более интересны как публицистический источник, информирующий о тяжелом положении рабочих на производстве, чем самостоятельный жанр российской литературы. Вместе с тем отмечено появление первых произведений рабочих, идеализирующих завод ("люблю тебя, грохочущий завод"), производственные ритмы ("горим, чтобы встать и вновь создать жизнь, яркую для новых поколений") [Клейнборт, 1913, N 11, с. 173, 175; N 12, с. 155].

Исследователи, добросовестно анализировавшие конкретный исторический материал, отмечали рост интереса рабочих к театру. Однако профессиональные театры были им малодоступны из-за высокой стоимости билетов. Их посещали, и то редко, наиболее высокооплачиваемые рабочие. Выход был найден в создании при Народных домах драматических кружков, ряд которых перерос в народные театры [Крупянская, 1970, с. 288]. Репертуар для народных театров, рекомендованный сверху (Министерством финансов и Главным управлением по делам печати), включал произведения, рассчитанные на нетребовательный вкус. В этом сходились и отзывы профессиональных критиков, и левой прессы [Иванов, 1970, с. 341].

Если говорить о народных театрах, массив рабочих-театралов был весьма невелик. Так, в интересной статье Л. Ольховой единственное статистическое упоминание о рабочих-театралах касается только десяти мастеровых, участвующих в театральных кружках, созданных местными интеллигентами. Численность промышленных рабочих Урала, принимавших участие в примерно 40 любительских кружках и театрах, видимо, была близка к 400 человек [Ольховая, 1983, с. 130 - 135; Загайнова, 1987, с. 48]. В составе этой группы (участников рабочих театров и драматических кружков) преобладали квалифицированные, хорошо оплачиваемые рабочие, которые также доминировали в легальных профсоюзных организациях и просветительных обществах, появившихся перед Первой мировой войной [Свифт, 1997, с. 169, 179, 194].

Несмотря на радикальные рассуждения рабочих-членов социал-демократических организаций о новом пролетарском театре, об особых формах пролетарской культуры, репертуар рабочих театров был довольно консервативным - в основном постановки классики. Известны пьесы, написанные рабочими авторами, но они практически не ставились [Свифт, 1979, с. 179, 194; Загайнова, 1987]. Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что узкий круг рабочих промышленности мог выступать в качестве субъекта театральной жизни, но *только на любительском* уровне, а затраты на культурные потребности в рабочих семьях, даже в высоких бюджетных группах, не превышали 5,4% бюджета [Крупянская, 1970, с. 287 - 288]. В этой связи достаточно иллюзорно выглядит утверждение о наличии в начале XX в. такого понятия, как "рабочая интеллигенция" и ее представителей в составе рабочих промышленности [Ольховский, 1997, с. 81 - 82]. Я разделяю взгляды Ю. Кирьянова, И. Розенталя, А. Николаева, согласно которым у данного понятия отсутствуют содержание и границы; сам же термин "рабочие-интеллигенты" фактически объединяет образованных рабочих [Рабочие... 1997, с. 209, 210, 216].

Нельзя не замечать позитивные сдвиги в области образования в России в 1900 - 1914 гг., повлиявшие и на культурный уровень рабочих. Назову, например, увеличение расходов на внешкольное образование в Пермской губернии с 1,2% в конце XIX в. и 3% от всех расходов земств на образование в 1910 г. до 20% в 1915 г. Вместе с тем указанная динамика расходов свидетельствует о незначительности расходуемых средств до 1910 г. Правда, сумма расходов на внешкольное образование в Пермской губернии в 1910 - 1915 гг. выросла в 3,5 раза - с 89,3 тыс. до 307 тыс. руб., однако и величина в 307 тыс. руб. представляется небольшой для крупнейшей провинции Урала (подсчитано по [Труды... 1916, с. 75, 82]). Характерно, что во всех заведениях для обучения взрослых - воскресных школах и воскресных классах, народных университетах - в 1914 г. в наиболее развитой Пермской губернии занимались только около 6 тыс. человек, причем рабочие составляли лишь часть из них [Просвещение... 1927, с. 76 - 77].

Наибольших успехов в деле внешкольного образования добилось Вятское губернское земство, признанное лучшим в России. С 1894 по 1908 г. там практиковалась бесплатная раздача книг грамотным [Юсупов, 1999, с. 16]. Проблема заключалась в том, что при неграмотности большинства местного удмуртского населения книги поступали в основном к этническим русским, значительную часть которых составляли рабочие Ижевского и Боткинского заводов [Рабочий... 1987, с. 15]. Таким образом, рост культурного уровня пролетариев не ослаблял, а усиливал противостояние рабочих государственных предприятий и большинства жителей губернии. Для всей России было характерно разделение труда и по национальному признаку: так, рабочие - башкиры, татары, удмурты, как правило, были заняты на вспомогательных производствах, что создавало еще одну градацию рабочих по степени приобщения к культурным ценностям.

Трудно проследить статистику изменений духовного облика рабочих в первые десятилетия XX в. Речь идет о тонких материях: морали, нравственности, отношении к Богу, природе. Вопрос о роли религии в формировании культурного облика рабочих - один из наименее изученных. Здесь можно встретить взаимоисключающие оценки, порожденные идеологическими канонами. Так, Т. Гуськова, доказательно обосновав тезис о значительной роли религии в семейном быту рабочих Урала, вынуждена была тут же включать цитаты об их "холодном, безразличном, равнодушном отношении к церкви". По ее мнению, специфика влияния религии на рабочих заключалась в большей религиозности населения заводских поселков окраинных районов и сельских поселений, а тенденция к религиозному индифферентизму была характерна для квалифицированных рабочих [Гуськова, 1970, с. 286].

Кириянов в работе 1970 г. использовал статистику 1924 г., согласно которой до Октябрьской революции треть московских рабочих не посещали церковь. Он делал вывод о наличии трех социальных групп в составе московских рабочих: крупнейшей - 38% - посещавших церковь только по большим праздникам; 24% - посещавших церковь систематически и 25% - не посещавших вообще. Итог примечателен еще и тем, что обследование было проведено спустя семь лет после начала гонений 1960-х гг. на православную церковь. Читатель не мог при этом не понять: *три четверти рабочих-москвичей церковь посещали*. Закономерен и последующий вывод историка: у значительной части рабочих в различной степени и форме религиозность сохранялась вплоть до Октября 1917 г. и в последующие годы. Однако нуждается в уточнении его заявление о том, что различия в уровне религиозности (отразившиеся на убранстве жилищ рабочих) зависели напрямую от уровня связи с деревней: вчерашние крестьяне украшали свое жилье иконами, тогда как в квартирах потомственных горожан картины духовного содержания отсутствовали [Кириянов, 1970, с. 134 - 135]. Как будет показано ниже, имелись и примеры иного характера. Тезис о широком распространении религиозных убеждений в рабочей среде, в том числе у квалифицированных рабочих, прочно утвердился в трудах современных историков. Вновь сошлюсь на мнение Кириянова, отметившего, что, несмотря на происходившие сдвиги, менталитет большинства рабочих России и после 1905 - 1907 гг. оставался в рамках представлений, освященных религией, официальной идеологией [Кириянов, 1997^a, с. 72]. Постепенно переставая быть истовой, убежденной, вера еще долго сохранялась на обрядово-бытовом уровне. Посещение храма, например, исчезло как проявление религиозных потребностей, но сохранилось как элемент церковных праздников [Булавин, 2000].

В советской историографии традиционная связь российских рабочих с землей рассматривалась как помеха на пути к преодолению мелкобуржуазности и достижению горнозаводским населением стадии "чистого пролетариата". К последнему относились лишь рабочие, не имевшие собственного хозяйства. Что касается владельцев земельных участков, к ним применялись такие характеристики, как "рабочая аристократия", "отсталый тип рабочего", "мелкобуржуазные элементы" и т.д. [Львов, 1929, с. 41; Зуйков, 1972, с. 68, 75]. Между тем даже в советской исторической литературе многое не подтверждало эти идеологические постулаты.

Мешало ли владение землей повышению рабочими своего профессионального и общекультурного уровня? К 1917 г. значительными, по меркам горнозаводских поселений, земельными наделами владели труженики казенных заводов, хотя именно они являлись наиболее квалифицированным отрядом рабочего класса России [Шацилло, 1992, с. 49]. Аналогичную тенденцию зафиксировали и результаты переписи весны 1929 г. Процент уральских рабочих, имеющих земельные наделы, повышался по мере роста квалификации, а именно: среди неквалифицированных рабочих-металлургов он составлял 24,7%; у полуквалифицированных - земельными наделами владели 31,3%; у квалифицированных - 37,6%; у высококвалифицированных - 38,8%. Характерно и то, что 80,7% рабочих-металлургов, имевших земельные участки, были потомственными рабочими. Среди рабочих-металлургов, не владевших землей, удельный вес потомственных рабочих ниже, он составлял 64,2% [Рашин, 1930, с. 35, 37].

Таким образом, владение землей не препятствовало росту профессионального мастерства. Более того, личное хозяйство в определенной степени компенсировало недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры, помогало приспособиться к трудным природным условиям. Сказанное позволяет сделать вывод: *в исторической литературе недавнего прошлого за "чистых пролетариев" выдавалась прослойка рабочих, менее других приспособленная к жизни городского поселения и завода.*

Традиция изучения личного хозяйства рабочих *не только с экономических позиций* прослеживалась с дореволюционного времени. Важные замечания на этот счет содержатся в работе П. Степанова. Молодой исследователь из Петербурга, впоследствии маститый ученый, обратил внимание на то, что сельскохозяйственные занятия - не только вынужденная необходимость для уральских рабочих. Смену трудовой деятельности, физическую работу на природе можно рассматривать и как своего рода отдых, *психическую дезинфекцию* от заводской огневой работы [Степанов, 1914, с. 64]. Анализ архивной, мемуарной и фольклорной литературы подтверждает это высказывание в большей степени касательно "дезинфекции" и в меньшей степени - "отдыха".

Замечу, что личное хозяйство рабочих позволяло не только выжить в условиях сурового климата, политических и социальных потрясений, но и выступало в качестве *объекта культуры*, так как передавало традиции отношения к земле и природе, к смыслу жизни. Если продукты личного хозяйства позволяли находить силы для повышения профессионального уровня, то работа в поле и на огороде давала российскому рабочему возможность *осознать свое место на земле* в прямом и переносном смысле, даже с учетом того, что личное хозяйство требовало постоянного напряжения сил и систематической повторяемости трудовых операций. Сказанное имеет значение и в случае, когда личное хозяйство имело действительно подсобный характер. Между тем для значительной части рабочих России подсобной или временной становилась именно заводская работа.

В конечном счете, особенности культурного облика различных социальных групп российского пролетариата отражались в трудовой деятельности. Я согласен с Мироновым, что качество труда, трезвость, честность, дисциплина, прогулы и опоздания на работу, способность к компромиссу, соблюдение правил поведения на производстве, подверженность к производственному травматизму, простои и производственный брак зависели от грамотности рабочего и его социального происхождения. В начале XX в. существовал слой рабочих (вероятно, не слишком многочисленный), отличавшийся современным отношением к труду, склонных адаптироваться к правилам жизни, диктуемым капитализмом. Они осуждали пьянство, недисциплинированность, невежество и отсутствие культуры у рабочих [Миронов, 2001, с. 99 - 108]. К слою индустриальных рабочих, на мой взгляд, применима и следующая оценка В. Ермакова: морально-нравственное состояние предреволюционного российского общества в целом и рабочего класса России в частности было здоровым и устойчивым [Ермаков, 1994, с. 203].

Заметно отличались иные, *находящиеся в стадии формирования*, слои рабочего класса, которым тот же Миронов дает следующую характеристику: в конце XIX - начале XX вв. "сколько-нибудь сильной любви к собственности не наблюдалось, а к чужой соб-

ственности отношение было резко негативным. Воровство изделий и деталей с предприятий было таким же массовым явлением, как кража крестьянами помещичьего леса, сена, фруктов и т.д. Крестьянское происхождение рабочих мы обнаруживаем во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению" [Миронов, 1999, т. 1, с. 343].

Таким образом, имущественный раскол в рабочей среде дополнялся глубокими различиями культуры. В целом мировосприятие различных слоев рабочего социума России представляло собой сочетание элементов консервативных, патриархальных, реформистских и революционных воззрений. При преобладании консервативно-патриархальных представлений у пролетариев, диапазон влияния леворадикальных сил в 1914 г. ограничивался "тесным кругом членов подпольных организаций и связанных с ними рабочих" [Поршнева, 2000, с. 161 - 162]. К выводу о небольшой величине слоя рабочих, связанных с социалистами, пришел известный исследователь рабочей тематики Кирьянов [Кирьянов, 1997^a, с. 72]. Можно отметить, что если для рабочих индустриального типа было характерно сочетание реформистских и патриархальных представлений, то у пролетарской части рабочих России на них накладывались радикальные, уравнилельские уонастроения. Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что только меньшая часть рабочих России к 1917 г. была в состоянии воспринять культурные ценности, соответствующие индустриальной эпохе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамовский А. П.* Становление системы управления национализированной промышленностью Урала (декабрь 1917-май 1918 г.) // Урал в событиях 1917 - 1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999.
- Алеврас Н. Н.* Уральский кризис в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры // Урал в событиях 1917 - 1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999.
- Андреева Т. А.* Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями (1906 - 1916) // Народное образование на Урале в XVIII-XX вв. Свердловск, 1990.
- Бехтерева Л. Н.* Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. N 2.
- Бугаева С. Я.* Интеллигенция горнозаводского Урала в пореформенный период (численность, состав, положение) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII-XX вв. Свердловск, 1987.
- Булавин М. В.* Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917 - 1927 гг. (на примере Урала). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
- Величкин В. И.* Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936.
- Вестник народных университетов. 1910. N 1.
- Вестник статистики. 1919. N 8 - 12.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. М. -Л., 1931.
- Гуськова Т. К.* Облик рабочих Урала // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970.
- Дмитриев П. Н.* Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. Вып. 4. М., 2004.
- Ермаков В. Т.* Культура предреволюционной России (к постановке проблемы) // Россия в XX в.: историки мира спорят. М., 1994.
- Железкин В. Г.* Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992.
- Загайнова В. Л.* К истории изучения культурных запросов рабочих Урала (рабочий театр в конце XIX - начале XX в.) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII - начала XX в. Свердловск, 1987.
- Зуйков В. Н.* Создание тяжелой индустрии на Урале. М., 1972.

Иванов Л. М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970.

Иванова Н. А. Структура рабочего класса России 1910 - 1914 гг. М., 1987.

Изменения социальной структуры советского общества 1921 - середины 30-х гг. М., 1979.

История рабочего класса СССР. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983.

История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 1. М., 1984.

Кириянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979.

Кириянов Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX-XX вв. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 - 1917. СПб., 1997^а.

Кириянов Ю. И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970.

Кириянов Ю. И. Рабочие в России на рубеже XIX-XX вв. // Отечественная история, 1997^б. N 4.

Клейнборт Л. Очерки рабочей демократии // Современный мир. 1913. N 4, 5, 11, 12.

Коган Л. Н. Ведущая роль рабочего класса в создании и развитии культуры социализма. Л., 1969.

Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900 - 1914 гг. Л., 1976.

Крупянская В. Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970.

Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX - начало XX в.) // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970.

Левин И. Д. Рабочие клубы в Петербурге. 1907 - 1914 гг. // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 3. М., 1925.

Львов В. Бюджеты населения горнозаводского Урала // Хозяйство Урала. 1929. N 7.

Медынский Е. Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М., 1918.

Миронов Е. Н. Отношение к труду в дореволюционной России // СОЦИС. 2001. N 10.

Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII-XX вв.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999.

Михайлов Н. В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 - 1917 гг. СПб., 1997.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 - 1922 гг. М., 2001.

Ольховая Л. В. Из истории рабочих культурно-просветительских организаций на Урале (1905 - 1914 гг.) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983.

Ольховая Л. В. Рабочая кооперация как форма организации пролетариата // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970.

Ольховая Л. В., Калугина Г. В. Народное образование в Екатеринбурге в конце XIX - начале XX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979.

Ольховский Е. Р. Формирование рабочей интеллигенции в России в конце XIX - начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 - 1917. СПб., 1997.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту проживания. СПб., 1905.

Поликарпов В. В. "Новое направление" 50 - 70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996.

Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX - начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции. 1861 - 1917. СПб., 1997.

Поршнев О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

Поршнев О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 г). Екатеринбург, 2000.

Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900 - 1940 гг. Екатеринбург, 2004.

Производственно-технический журнал завода им. Молотова. 1932. N 16 - 17.

Просвещение на Урале. 1927. N 2.

Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 - 1917. СПб., 1997.

Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983.

Рабочий класс Удмуртии. 1861 - 1986. Ижевск, 1987.

Рашин А. Г. Состав фабрично-заводского пролетариата. М., 1930.

- Розенталь И. С.* Культурно-просветительные организации и углубление классового сознания российского пролетариата (1907 - 1917 гг.) // Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма. М., 1979.
- Рябухин Е. И.* Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связи с массами (1907 - 1914 гг.). Ч. 1. Саратов, 1968.
- Садаков А. А.* Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции // Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка. Записки. Вып. 20. История. Ижевск, 1968.
- Свифт В.* Рабочий театр и "пролетарская культура" в предреволюционной России. 1905 - 1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. СПб., 1997.
- Современный мир. 1913. N 10.
- Соколов А. К.* Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. М., 1987.
- Степанов П.* Наделение земель горнозаводского населения Урала // Труды студентов экономического отделения Петербургского политехнического института. СПб., 1914.
- Труды первого совещания заведующих народным и внешкольным образованием в уездах Пермской губ. 23 - 28 июня 1915 г. Пермь, 1916.
- Уральское хозяйство. 1918. N 4.
- Фельдман М. А.* Промышленные рабочие России в начале XX в. // Вопросы истории. 2006. N 1.
- Хеллман Б.* Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
- Хлопин Г.* Казенные заводы и рудники Урала в санитарно-врачебном отношении // Горный журнал. 1916. N 6.
- Шаццло К. Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX - начало XX в.) М., 1992.
- Юсупов М. Р.* Культурно-просветительная деятельность земств Урала (1864 - 1917 гг.) Автореф. дисс... канд. ист. наук. Челябинск, 1999.